

ПЕРЕВОДЫ

Гарольд Гарфинкель

Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов*

Говоря на социологическом языке, «общей культурой» называют социально санкционированные основания заключений и действий, на которые люди опираются в своих повседневных делах и предполагают, что другие используют их так же. Социально-санкционированные факты жизни в обществе — которые знает любой нормальный член этого общества — включают такие вещи, как ведение семейной жизни, организация рынка, распределение наград, компетенция, ответственность, добрая воля, доход, мотивы членов общества, частота и причины неудач и средства справиться с ними, присутствие добрых и злых намерений за внешним ходом событий. Такие социально санкционированные факты общественной жизни состоят из описаний с точки зрения интересов члена коллектива¹ в управлении его практическими делами. Основываясь в этом употреблении на работе Альфреда Шюца,² мы будем называть такое знание социально организованных сред согласованных действий обыденным знанием социальных структур.

Открытие общей культуры сводится к открытию социологами *изнутри* общества факта существования обыденного знания социальных структур. Для социолога предметом теоретического социологического интереса являются знание и процедуры, используемые членами общества для его собирания, проверки, управления им и его передачи.

Данная работа как раз и имеет дело с обыденным знанием социальных структур как предметом теоретического социологического интереса. В ней рассматриваются описания общества, которые его члены, *включая профессиональных социологов*, используют как нечто само собой разумеющееся, как условие своего законного права принимать решения, касающиеся смысла, факта, метода и причинной основы без каких-либо помех — как условие своей «компетентности». Конкретно в статье описывается работа, в ходе которой производится решение по смыслу и факту, как собирается набор фактического знания социальных структур в обыденной ситуации выбора.

Документальный метод интерпретации

В социологических исследованиях часто встречаются ситуации, когда исследователь — будь то профессиональный социолог или же просто человек, исследующий социальные структуры в целях управления своими повседневными делами, — может присвоить наблюдаемым внешним явлениям статус поведенческого события, лишь добавляя к ним биографические данные и предвидимое будущее. Он делает это, встраивая внешние данные в свое предполагаемое знание общественных структур. Таким образом, часто случается, что для того, чтобы исследователь мог понять, с чем он сталкивается сейчас, он должен дожидаться будущего развития событий, но, дождавшись, он обнаруживает, что эти будущие

* *Garold Garfinkel. Studies in Ethnomethodology. Prentice Hall Inc., New Jersey, 1967. Chapter 3. Common sense knowledge of social structures: the documentary method of interpretation in lay and professional fact finding. Перевод главы 2 см. «Социологическое обозрение». 2002. №1. Т.2*

¹ Термин «членство в коллективе» понимается в строгом соответствии с использованием Толкотом Парсонсом в *The Social System* и в *Theories of Society*, I, Part II, pp. 239-240.

² Alfred Schutz, *Collected Papers I; The Problem of Social Reality* (1962); *Collected Papers II: Studies in Social Theory* (1964); *Collected Papers III: Studies in Phenomenological Philosophy* (1966).

© Центр фундаментальной социологии, 2003

© Перевод с английского Турчаниновой Ю.И., Гусинского Э.Н., 2003

события в свою очередь объясняются *их* историей и будущим. Дождавшись того, что произойдет потом, он понимает, чем было увиденное ранее. Или же он принимает прошлое и будущее происходящих событий как само собой разумеющееся. Мотивированные действия, например, имеют именно эти раздражающие качества.

Поэтому часто происходит так, что исследователь должен выбрать среди альтернативных способов интерпретации и исследования какой-то один, чтобы принять в конце концов необходимые решения по вопросам фактов, гипотез, предположений, фантазий и всего остального (несмотря на то, что в точном смысле слова «знать» он не знает и не может знать, что он делает, *до или во время того, как он это делает*). Исследователи-практики, особенно те из них, кто занят этнографическими и лингвистическими исследованиями в условиях, когда они не могут предполагать знания общественных структур, возможно, лучше всех знакомы с такими ситуациями, но это относится и к другим типам профессионального социологического исследования.

Но предположим, каким-то образом корпус сведений об общественных структурах собран. Как-то приняты решения по смыслу, фактам, методу и причинности. Как это происходит в исследовании, во время которого такие решения должны быть приняты?

В рамках своего интереса к социологической проблеме адекватного описания культурных событий, важным случаем которого явилось бы известное веберовское «поведение, наделенное субъективным смыслом и управляемое этим смыслом», Карл Мангейм³ создал примерное описание одного процесса. Мангейм назвал это «документальным методом интерпретации». Он резко отличается от методов чистого наблюдения и похож на то, что реально делают многие социологи-исследователи, как любители, так и профессионалы.

Согласно Мангейму, документальный метод включает поиск «...идентичного гомологичного паттерна, лежащего в основе огромного разнообразия совершенно различных пониманий смысла»⁴.

Метод состоит в том, что реальное проявление рассматривается как «документальное свидетельство», как «указывающее на», как «замещающее» предполагаемый лежащий в основе паттерн. И не только лежащий в основе паттерн выводится из своих индивидуальных документальных свидетельств, но и индивидуальные документальные свидетельства, в свою очередь, интерпретируются на основе «того, что известно» о паттерне, лежащем в их основе. Одно используется для разработки другого.

Метод применим для повседневных надобностей понимания того, «о чем говорит» этот человек, учитывая, что он говорит не совсем то, что имеет в виду, или для понимания таких обычных случаев и объектов, как почтальоны, дружелюбные жесты и обещания. Это также распознаваемо применимо в решении таких социологически анализируемых событий, как стратегии для управления впечатлениями Гофмана, кризисы личности Эриксона, типы конформизма Рисмена, системы ценностей Парсонса, магические обряды Малиновского, подсчет интеракций по Бейлу, типы девиаций Мертона, латентная структура отношений Лазарсфельда и категории занятости по переписи населения в США.

Как исследователь определяет из ответов на вопросник установки опрашиваемого; как он узнает из беседы с персоналом офиса об их «бюрократически организованной деятельности»; как по изучению преступлений, известных полиции, он оценивает параметры «реальной преступности»? В результате какой работы исследователь устанавливает смысловое соответствие между наблюдаемым событием и намерением действия, так что считает целесообразным рассматривать реальные проявления, которым он был свидетелем, в качестве свидетельств события, которое он хочет изучить?

Для ответа на эти вопросы необходимо выяснить детали работы документального метода. Для этой цели была разработана демонстрация документального метода, которая

³ Karl Mannheim, "On the Interpretation of Weltanschauung," in *Essays on the Sociology of Knowledge*, pp. 53-63.

⁴ *Ibid.*, p. 57.

должна была «выпятить» свойства используемого метода и «поймать на лету» работу этого процесса «производства фактов».

Эксперимент

Были набраны десять студентов, которым сказали, что в отделении психиатрии проводится исследование по изучению альтернативных психотерапии средств «в виде советов людям по их личным проблемам» (sic). Каждого испытуемого индивидуально посещал экспериментатор, который представлялся как стажер-консультант. Испытуемого сначала просили обсудить происхождение некоторых серьезных проблем, по которым он бы хотел получить совет, а затем задать консультанту ряд вопросов, каждый из которых допускал бы ответы типа «да» или «нет». Испытуемым обещали, что «консультант» будет стараться добросовестно отвечать на вопросы. Экспериментатор-консультант выслушивал вопросы и давал ответы из соседней комнаты через систему внутренней связи. После описания своей проблемы и представления некоторых ее причин испытуемый задавал свой первый вопрос. После стандартной паузы экспериментатор отвечал «да» или «нет». В соответствии с инструкциями испытуемый затем убирал настенный микрофон, соединяющий его с консультантом, чтобы «консультант не слышал Ваших замечаний», и начитывал на магнитофон свои замечания по беседе. После завершения диктовки испытуемый вставлял микрофон обратно и задавал следующий вопрос. После получения ответа он опять записывал свои комментарии. Так каждый задал и получил по крайней мере десять вопросов и ответов. Испытуемым сообщили, что «Большинство людей хотят задать по крайней мере десять вопросов».

Последовательность ответов, поровну распределенных между «да» и «нет», была предрешена посредством таблицы случайных чисел. Всем испытуемым, задававшим одинаковое число вопросов, были выданы те же серии ответов «да» и «нет». После серии вопросов и ответов испытуемых просили подытожить свои впечатления от всего обмена мнениями в целом. Затем было интервью.

Ниже приводятся характерные неотредактированные протоколы.

СЛУЧАЙ 1

ИСПЫТУЕМЫЙ: Ну, что ж, вот с какой ситуацией я столкнулся. Я принадлежу к иудейской религии и встречаюсь с нееврейской девушкой вот уже примерно два месяца. Мой отец прямо не против этой ситуации, но в то же время я чувствую, что он не очень доволен. Мама считает, что пока отец прямо не выступает против, мне следует продолжать встречаться до тех пор, пока он это явно не запретит. Почему я считаю, что он не очень доволен – потому что хотя он никогда не говорил, чтобы я не ходил с ней на свидания, в то же время у него все время какие-то шпильки и высказывания, заставляющие меня чувствовать себя неловко по поводу этих свиданий. Мой вопрос – считаете ли Вы, что в этих условиях мне следует продолжать или прекратить свидания с этой девушкой. Или давайте я сформулирую это в позитивном смысле: считаете ли Вы, что мне надо продолжать встречаться с этой девушкой?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Нет. Это вообще интересно. Я, в общем, чувствую, что между мной и отцом нет особой враждебности, но он, возможно, чувствует, что это приведет к большей неприязни. Я полагаю, может быть, постороннему легче увидеть то, что я не способен в этот момент заметить.

Теперь я бы хотел задать второй вопрос.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Хорошо.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Считаете ли Вы, что мне нужно дальше обсуждать с отцом эту ситуацию, или нет? Нужно ли мне обсуждать с отцом эту тему, насчет встреч с нееврейкой.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Да, я чувствую, что это разумно, но я просто не знаю, что ему сказать. Я имею в виду, что он, кажется, не очень проявляет понимание. Другими словами, он как бы боится обсуждать эту ситуацию. Ну, мне по крайней мере пока так кажется. Но я думаю, что если это для меня важно, если я действительно хочу встречаться с ней, то мне придется обсуждать это с отцом. Я, правда, не знаю, что сказать, потому что, ну, я с ней встречаюсь. Я не то чтобы в нее влюблен, но я действительно не знаю, как это все обернется. Думаю, нам следует провести обсуждение возможных перспектив, какие чувства у него это будет вызывать. Он, может быть, не сильно против сейчас, потому что мы только встречаемся, но, наверное, он видит будущие сложности, о чем бы ему сейчас хотелось бы откровенно поговорить. Теперь я готов к третьему вопросу.

Предположим, что я поговорил с отцом, и он позволил мне встречаться, но в то же время у меня остается впечатление, что на самом деле он не хочет, чтобы я с ней встречался, а говорит так, чтобы быть хорошим отцом. Должен ли я в этом случае все-таки продолжать встречаться?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Я в общем-то удивлен ответом. Я ожидал отрицательного ответа. Может, это оттого, что Вы не вполне знаете моего отца и его реакции; он — человек тонкий и очень осторожный в своих делах. Хотя он и разрешил мне продолжать встречаться с ней, у меня, возможно, будет чувство вины от того, что я знаю, что он против этого. Хотя я и не знаю, может ли это хоть сколько-нибудь помочь в этой ситуации. Так что, может, мы рассмотрим это глубже, и это уже следующий вопрос. Я готов теперь к четвертому вопросу.

Если после обсуждения с отцом и получения от него положительного ответа, который, я чувствую, не является его искренним мнением – считаете ли Вы, что будет правильно, если моя мама серьезно поговорит с ним, чтобы попытаться выяснить его истинное мнение об этой ситуации?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Вот это мне кажется справедливым. Я чувствую, что с мамой он выскажется честнее. Конечно, здесь тоже возможна проблема. Будет ли мама со мной полностью честна после этого? У нее, похоже, более либеральное отношение, чем у отца. Я не говорю, что она способна лгать, но она более либеральна относительно таких вещей и, возможно, в ходе беседы с отцом постарается представить ему мои взгляды и, следовательно, я опять получу два ответа. Если на это так посмотреть, то я не думаю, что я чего-то вообще добьюсь, но по крайней мере я чувствую, что мы понемногу продвигаемся. Я теперь готов к пятому вопросу.

Считаете ли Вы, что мне следует сказать этой нееврейке, с которой я встречаюсь, о моих проблемах дома с родителями, или следует подождать до..., ну, это уже другой вопрос. Считаете ли Вы, что мне следует сказать этой девушке, с которой я встречаюсь, о моих проблемах дома в связи с ее религией?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Однако, я опять удивлен. Конечно, это может зависеть от того, насколько хорошо я отношусь к девушке и как долго я собираюсь с ней встречаться. Но лично я чувствую, что это будет только правильно — сказать ей, поскольку, если она, возможно, настроена более серьезно, чем я. Она может лучше понять ситуацию полностью, и если она считает, что это будет препятствием, тогда, возможно, это завершит ситуацию, прямо не говоря ей. Я чувствую, что, возможно, продемонстрирую это разными способами, и она не будет знать, какова ситуация на самом деле и, возможно, ее обратная реакция будет такова, что испортит наши свидания и все тому подобное. Я готов к шестому вопросу.

Если я влюблюсь в эту девушку и захочу подумать о женитьбе, то, как Вы считаете, справедливо ли будет, если я попрошу ее сменить веру на мою?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Так, нет. Что ж, это меня ставит в безвыходное положение. Нет. Ну, я действительно считаю, что меня воспитывали определенным образом, и ее, я думаю, тоже.

Не то чтобы я был ортодоксом или что-то в этом роде, но, конечно, существует давление семьи и все такое прочее. И я вполне уверен, что она чувствует, к сожалению. Мне не встречались семьи, разделенные по религии, которые оказывались успешными. Так что я не знаю. Я думаю, что у меня может быть соблазн попросить ее поменять веру. Не думаю, что я это и вправду смогу. Я готов к вопросу номер семь.

Считаете ли Вы, что было бы лучше, если бы мы поженились и ни один из нас не желал бы обсуждать разницу религий или уступать в этом вопросе, и чтобы мы растили детей в нейтральной религии, отличной от двух наших верований?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Да, возможно это было бы решением. Если бы можно было найти религию, которая до какой-то степени вбирала обе наши. Я понимаю, что это невозможно сделать это буквально. Может быть, в каком-то смысле эта нейтральная религия могла быть сотворена нами самими, потому что я искренне верю в пользу религии, неважно какой, если это не доводится до крайностей, следовательно, все должны получить какое-то религиозное воспитание. Может, это и есть решение проблемы. Я полагаю, что мне надо развить эту линию еще немного дальше и посмотреть, что именно произойдет. Я готов к вопросу номер восемь.

Если бы мы поженились – не лучше ли было бы для нас жить в новом месте вне контакта с нашими родителями, чтобы на нас не оказывалось семейное давление из-за разницы в религиях?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Ну, я, пожалуй, соглашусь с этим ответом. Я чувствую, что, убегая от проблемы, многого не добьешься и, возможно, это будет одной из тех вещей в жизни, с которыми в конце концов мирятся, и что наши домашние и мы будем жить в гармонии. По крайней мере, я надеюсь, что это сработает, если мы к этому придем. Я не думаю, что для наших семей будет лучше, если мы не будем над этим работать и просто убежим от проблемы. Так что лучше нам остаться здесь и стараться над этим работать. Я готов к вопросу номер девять.

Если бы мы поженились и должны были растить детей, считаете ли Вы, что мы должны будем объяснить и рассказать нашим детям, что у нас была когда-то эта разница религий, или нам лучше просто растить их с этой новой религией, их религией, о которой мы говорили, и позволить им верить, что именно это и было нашей первоначальной религией?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Опять я бы с Вами скорее согласился. Полагаю, что им нужно сказать, потому что они, конечно же, узнают. И если они узнают о той разнице, которая у нас некогда была, то они подумают, что мы утаиваем или стараемся от них что-то скрыть, и это тоже не самая хорошая ситуация. Так что я думаю, что это будет лучший выход. Я готов к вопросу номер десять.

Думаете ли Вы, что наши дети (если они будут), сами столкнутся с какими-то религиозными проблемами из-за того, что у родителей и у нас были эти проблемы?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Ну, я даже не знаю, соглашусь я с этим или нет. Возможно, у них будут проблемы, если настанет путаница, и они почувствуют, что не понимают, что хорошо и что плохо или на какую сторону податься, если они не захотят придерживаться своей религии. Но я как бы чувствую, что, если их религия полноценная, которая удовлетворяет религиозные нужды, те нужды, которые должна удовлетворять религия, то с ними не будет проблем. Но я полагаю, что только время покажет, появятся ли такие проблемы. Я закончил свои комментарии.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: О-кей, я сейчас вернусь.

Экспериментатор появляется в комнате, где находится испытуемый, передает ему список позиций, которые он может прокомментировать, и уходит из комнаты. Испытуемый прокомментировал их следующим образом.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Ну, разговор у нас казался односторонним, потому что говорил все я. Но я полагаю, что мистеру Макхью было очень трудно полностью отвечать на эти вопросы без хорошего понимания личности разных вовлеченных сюда людей и того, как развивалась сама ситуация. Должен сказать, что полученные ответы, большинство из них, как раз такие, какие бы дал я сам, зная разницу в типах людей. Один или два ответа действительно меня удивили, но я думаю, что он, возможно, так ответил на эти вопросы, потому что не знает вовлеченных сюда людей, как они реагируют и/или среагировали бы в конкретной ситуации. Полученные ответы, большинство из них, имели для меня много смысла. Я чувствую, что он большей частью понимал ситуацию по мере нашего продвижения, в том смысле, что я интерпретировал его вопросы как полностью примиряющие в данных ситуациях, которые я ему представил, хотя они и были просто дан-нет ответы. Я чувствую, что в основном его ответы были полезны, он пытался в этой ситуации большей частью сделать как лучше, а не скомкать ответ или укоротить его, никоим образом. Я слышал, что хотел услышать в большинстве представленных в это время ситуаций. Может, я не услышал того, что в действительности хотел услышать, но, возможно, с точки зрения объективности, это были лучшие ответы, потому что тот, кто втянут внутрь ситуации, до определенной степени ослеплен и не может объективно смотреть на вещи. И, следовательно, эти ответы могут различаться для человека внутри ситуации и того, кто вовне, и может объективно смотреть на вещи. Я, правда, думаю, что данные им мне ответы... что он прекрасно понимал сложившуюся ситуацию. Пожалуй, я думаю, что тут надо уточнить. Может быть, когда я сказал, что надо поговорить с отцом, он не был уверен. К примеру, когда я сказал, что должен поговорить с отцом, он не знал точно, о чем я буду с ним говорить. Не знал полностью. Он знал общую тему, но не знал, насколько я близок с отцом или насколько беседа может быть глубокой. И если бы он сказал «да, поговори», зная, что отец не будет слушать, это было бы не лучшее решение, или если отец готов был слушать, то это, он говорит, может не помочь. Или не говори. Что ж, здесь опять возникли бы личные черты характера, о которых он не знает. Я верю, что эта беседа и полученные ответы имеют для меня глубокий смысл. Я хочу сказать, что это было, возможно, то, что я ожидал бы от человека, полностью понявшего ситуацию. И я чувствую, что это важно для меня, в этом было много смысла. Я чувствовал, что заданные мной вопросы имели прямое отношение к делу и, правда, помогли в понимании ситуации с обеих сторон, то есть мне и тому, кто давал ответы, и моя реакции на ответы, как я сказал, была в основном согласительная. Иногда я удивлялся, но понимал, что это из-за того, что он не вполне был в курсе ситуации и недостаточно понимал всех в нее вовлеченных.

СЛУЧАЙ 2

ИСПЫТУЕМЫЙ: Я хотел бы знать, не следует ли мне сегодня изменить мою учебную специальность. Я специализируюсь в физике, причем у меня мало хороших оценок, чтобы получить в среднем С за физику. Я хотел бы переключиться на математику. У меня с ней есть некоторые проблемы, но думаю, что, может быть, справлюсь. Я провалил несколько курсов по математике здесь в У.К.Л.А.^{*}, но потом всегда повторял их и получал оценки С. В одном математическом курсе, который я учил несколько больше, чем другие курсы, я был близок к тому, чтобы получить В по математике. Но мой вопрос все еще звучит так: следует ли мне изменить специальность?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ - нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Хм, он говорит, нет. Но если нет, то мне придется как-то добирать недостающие баллы, что будет очень трудно сделать, поскольку мои дела в этом семестре не слишком хороши. Если мне удастся прорваться в этом семестре с семью А, то я смогу рассчитывать, возможно, на получение диплома по физике в феврале. Однако передо мной

^{*} Университет Калифорнии, Лос-Анджелес — *Прим.ред.*

этот ужас ядерной физики. Я очень не люблю ядерную физику. Ядерная физика 124 будет одним из обязательных курсов для получения степени по физике.

Считаете ли Вы, что я смогу получить степень по физике, зная, что мне придется проходить Физику 124?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Ответ — да. Не понимаю, как я это смогу. Я не так уж силен в теории. Мои учебные навыки — ужасны. Читаю медленно и трачу мало времени на учебу.

Вы думает, что я смогу улучшить свои учебные навыки?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Он говорит, что я смогу улучшить свои учебные навыки. Мне вечно объясняли, как надо правильно учиться, но я все равно не учусь так, как надо. У меня нет достаточного стимула, чтобы прорваться в физике, не так ли?

Вы думаете, что у меня есть достаточный стимул для получения степени в физике?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Он говорит «мой ответ – да». Я думаю, это было бы возможно, если бы у меня не было такой плохой учебной истории, которая за мной тянется. Будет очень трудно добиться этой степени.

Вы думаете, что я смогу учиться, одновременно поддерживая хорошие отношения дома с женой и выполняя свою работу? Я не очень хорошо занимаюсь в институте, и у меня нет особого стимула заниматься, когда я дома. Но когда моя жена возвращается домой, я люблю заниматься. В то же время это отвлекает нас от всяких дел, и когда она не делает дела, то это мне действует на нервы, поскольку вся эта работа накапливается. Вы думаете, что я смогу успешно заниматься дома?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Он говорит — нет. Я тоже думаю, что нет.

Что же мне, возвращаться каждый вечер в институт после ужина, чтобы позаниматься?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Он говорит, что не надо возвращаться в институт, чтобы позаниматься. А куда же мне идти? Идти в библиотеку в кампусе, чтобы заниматься?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Он говорит, что мне следует идти заниматься в библиотеку. Какую библиотеку? У них может не быть всех нужных мне справочников, но они не всегда необходимы. Мне нужно задать еще хотя бы три вопроса. Вы считаете, что я смогу выработать достаточно хорошие навыки в учебе и получить стимулы для реальной выработки этих навыков, чтобы во всяком случае не произошло так, что я буду сидеть допоздна по ночам и в то же время не успевать с работой?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Он говорит — нет. Я не смогу развить у себя правильные учебные навыки, чтобы суметь пробиться. Если Вы не считаете, что я смогу развить у себя правильные учебные навыки и использовать их, чтобы достичь цели, то думаете ли Вы все-таки, что я смогу получить степень по физике?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: В таком случае, я не получу степени. Что мне делать? Вы еще со мной?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Если Вы не думаете, что я смогу . . . достичь нужной цели по улучшению своих учебных навыков и получить степень в физике, то советуете ли Вы, чтобы я ушел из института?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Он говорит, что мне надо уйти из института. Вы еще здесь?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: У меня еще один вопрос. Я бы хотел стать офицером в ВВС. Я закончил учебную программу Воздушных Сил Р.О.Т.С., но, чтобы пройти комиссию, мне нужен диплом. Если я не получу диплом, то с большой вероятностью не получу и звания, хотя есть «за» и «против» того, что я получу звание без диплома, хотя это и не то, чего хотелось бы. Вопрос заключается в том, пройду ли я комиссию в Воздушные Силы?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – да.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Он говорит, что я получу звание в ВВС, а это именно то, что мне нужно, но получу ли я когда-нибудь диплом? Если я получу звание без диплома, то получу ли я вообще диплом хоть в чем-то?

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР: Мой ответ – нет.

ИСПЫТУЕМЫЙ: Это оставляет меня несколько раздосадованным, хотя в той работе, которой я хочу заниматься, мне реально диплом не нужен. Вы здесь? Возвращайтесь.

Испытуемый прокомментировал так.

Ну, как я понял из беседы, было бы довольно глупо продолжать пытаться получить диплом в чем-либо. На деле я всегда чувствовал, что та работа, которая меня интересует, – это изобретательство – не обязательно требует диплома. Требуется определенное знание математики и физики, но для изобретательства не нужен диплом. Из беседы я понял, что мне надо просто бросить учебу и получать звание, но как это сделать, я не знаю. Но было бы очень здорово получить диплом. Этот диплом позволил бы мне попасть в другие учебные заведения. В противном случае у меня будет документ, что я учился в колледже, но не закончил. Кроме того, у меня впечатление, что мои учебные навыки все равно никогда не улучшатся так, как бы мне хотелось. Я не получу диплом. Я получу звание, мне бесполезно заниматься – что дома, что в институте. Особенно по вечерам. Интересно, стоит ли мне вообще заниматься, или следует научиться делать всю работу в институте. Что делать? Я чувствую, что мои родители очень расстроятся, и родители моей жены очень расстроятся, если я так и не получу диплома, по крайней мере сейчас. У меня впечатление, что эта беседа основывается на том, чему необходимо было бы научиться много лет назад, то есть пока рос в детстве. Задавать себе вопросы и давать какие-то ответы, да или нет, и думать над причинами, почему правильно или, может быть, неправильно отвечать да или нет, и от правильности или ожидаемой правильности ответа на этот вопрос зависит, что надо делать для достижения цели или просто существовать. Лично я думаю, что у меня лучше получится в математике, чем в физике. Но точно я узнаю только в конце лета.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изучение протоколов показывает следующее:

А. Осуществление обмена мнениями.

Ни у кого из испытуемых не было затруднений в задавании серии из десяти вопросов и в подведении итогов и оценки совета.

В. Ответы рассматривались как *"ответы-на-вопросы."*

1. Обычно испытуемые слышали ответы экспериментатора как ответы-на-вопросы. В восприятии испытуемых ответы экспериментатора мотивировались вопросами.

2. Испытуемые сразу понимали, «что имел в виду советчик». Они «с ходу» понимали, о чем он говорил, *т.е.* что он имел в виду, а не что он произносил.

3. Типичный испытуемый предполагал в ходе обмена мнениями и интервью после эксперимента, что ответы являлись советом по поводу проблемы и что этот совет как решение проблемы состоял именно в ответах.

4. Все сообщили о «получении совета» и адресовали свою благодарность и критику этому «совету».

С. *Не было заранее запрограммированных вопросов; следующий вопрос мотивировался ретроспективно-перспективными возможностями текущей ситуации, которые менялись после каждого происшедшего обмена мнениями.*

1. Ни один испытуемый не задавал заранее запрограммированный набор вопросов.

2. Текущие ответы меняли смысл предыдущих обменов мнениями.

3. В ходе обмена мнениями работало, судя по всему, предположение, что должен быть получен ответ, а если ответ не очевиден, то его смысл может быть определен активным поиском, часть которого включала задавание другого вопроса, чтобы понять, «что имел в виду» советчик.

4. Много усилий прилагалось, чтобы понять предполагаемый смысл, который был не очевиден непосредственно из ответа на вопрос.

5. Текущий ответ-на-вопрос вызывал разбор возможностей, из которых и выбирался следующий вопрос. Следующий вопрос возникал как продукт размышлений над предыдущим ходом беседы и предположительно лежащей в основе проблемой, чьи стороны документировал и расширял каждый фактический обмен мнениями. Лежащая в основе «проблема» в результате обмена мнениями рассматривалась подробнее. Смысл проблемы постепенно приспосабливался к каждому текущему ответу, в то время как ответ мотивировал новые аспекты рассматриваемой проблемы.

6. Лежащий в основе образец составлялся и усложнялся в ходе серии обменов мнениями и приспосабливался к каждому текущему «ответу», чтобы поддерживать «ход совета» — уточнить, что было на «самом деле посовещано» перед этим, и мотивировать новые возможности как возникающие свойства проблемы.

D. Ответы в поисках вопросов.

1. В ходе обмена мнениями испытуемые иногда начинали с отклика на ответ и меняли смысл своего вопроса, чтобы учесть это в отклике как ответ на ретроспективно измененный вопрос.

2. Идентично произнесенные слова были способны ответить одновременно на несколько разных вопросов и составить ответ на сложный вопрос, который в терминах строгой логики предложений не допускал ответов да или нет или отдельных да или нет.

3. Одно и то же высказывание использовалось для ответа на несколько разных вопросов, разделенных во времени. Испытуемый называли это «пролить новый свет» на прошлое.

4. Текущие вопросы давали ответы на дальнейшие вопросы, которые вовсе не были заданы.

E. Использование неполных, неподходящих и противоречивых ответов.

1. Там, где ответы были неудовлетворительны или неполны, спрашивающие были готовы ждать дальнейших ответов, чтобы понять смысл предыдущих.

2. Неполные ответы рассматривались испытуемыми как неполные из-за «недостатков» этого метода дачи советов.

3. Неподходящие ответы были неподходящими по определенной «причине». Если причина находилась, то далее устанавливался смысл ответа. Если ответ был «разумен», то это воспринималось как «совет» отвечающего.

4. Когда ответы были несоответственными или противоречивыми, то испытуемые могли продолжать, обнаруживая, что «советчик» за это время узнал больше, или что он решил передумать, или что, возможно, он не был достаточно знаком с тонкостями проблемы, или что ошибка была в самом вопросе и его надо переформулировать.

5. При несоответственных ответах советчику приписывали знания и намерения.

6. Противоречия требовали, чтобы испытуемый выбирал реальный вопрос, на который отвечалось в ответе, что обеспечивалось тем, что задавался вопрос с дополнительным смыслом, который соответствовал «дополнительному смыслу» того, что говорил советчик.

7. В случае противоречивых ответов прилагалось много усилий, чтобы рассмотреть возможное назначение ответа, чтобы избавить ответ от противоречий или бессмысленностей и чтобы ответчик не выглядел, как не внушающий доверия источник.

8. Довольно большое число испытуемых рассматривали возможность обмана и проверяли такую возможность. Все подозрительные испытуемые неохотно действовали при

подозрении, что имел место обман. Подозрения утихали, если ответы советчика имели «хороший смысл». Наименее вероятным было продолжение подозрений, если ответы соответствовали предыдущим представлениям испытуемого о данном предмете и его предпочтительным решениям.

9. Подозрения превращали ответ в событие «просто речи», что выглядело, как случайное совпадение с вопросом задающего. Для испытуемых такая структура оказывалась трудной в поддержании и управлении. Многие испытуемые «все равно» видели смысл в ответе.

10. Те, кто проявлял подозрения, одновременно, хотя и временно, теряли желание продолжать.

Ф. «Поиск» и восприятие образца.

1. Во всем этом была заинтересованность и поиск образца. Однако образец воспринимался с самого начала. Вероятно, образец виделся с самого первого «совета».

2. Испытуемым было очень трудно ощутить возможность случайности в высказываниях. Предопределенное высказывание рассматривалось как обман в ответах, вместо того чтобы рассматриваться как высказывание, которое было предопределено заранее независимо от вопросов и интересов испытуемого.

3. Когда испытуемым приходила в голову возможность обмана, высказывание советчика документировало образец обмана вместо образца совета. Таким образом, связь высказывания с лежащим в основе образцом в качестве его документа оставалась неизменной.

Г. Ответам присваивался мнимый источник.

1. Испытуемые приписывали советчику в качестве его совета мысль, сформулированную в вопросах самого испытуемого. Например, когда испытуемый спрашивал: «Следует ли мне возвращаться в институт каждый вечер после ужина, чтобы позаниматься?» и экспериментатор отвечал: «Мой ответ — нет», то испытуемый в своих комментариях отмечал: «Он сказал, что мне не следует уходить в институт заниматься». Такое толкование было очень распространено.

2. Все испытуемые были удивлены, когда узнавали, что они внесли такой активный и мощный вклад в «совет, полученный ими от советчика».

3. Когда им сообщили об обмане, испытуемые были весьма раздосадованы. В большинстве случаев они изменили свое мнение о процедуре, подчеркивая ее неадекватность для целей экспериментатора (которую они все еще понимали, как исследование способов дачи советов).

Н. Неясность каждой текущей ситуации в плане будущих возможностей осталась независимой от пояснения, данного в ходе обмена вопросами и ответами.

1. Была неясность (а) в статусе высказываний в качестве ответа, (б) в его статусе, как ответа-на-вопрос, (с) в его статусе, как документированного совета, данного в принятом паттерне и (д) в лежащей в основе проблеме. В то время, как после цикла обменов мнениями давался «совет по проблеме», функция совета высвечивала также всю схему проблематичных возможностей, так что конечным результатом была трансформация ситуации испытуемого, в которой неясность ее горизонтов оставалась неизменной и «проблемы все еще оставались неразрешенными».

И. В своей функции членов коллектива испытуемые обращались к институционализированному свойству коллективности как к схеме интерпретации.

1. Испытуемые специально ссылались на различные общественные структуры при оценке разумности и обусловленности совета советчика. Такие ссылки, однако, не делались на какие-либо общественные структуры вообще. В глазах испытуемого, чтобы советчик знал и демонстрировал испытуемому, что он знает, о чем говорит, и чтобы испытуемый серьезно рассматривал описания обстоятельств со стороны советчика как основание дальнейших мыслей испытуемого и управления этими обстоятельствами, испытуемый не позволял советчику и даже не желал рассматривать *какую-либо* модель общественных структур.

Ссылки, указанные испытуемым, были на общественные структуры, которые он рассматривал как реально или потенциально известные вместе с советчиком. Причем не на *любые* общественные структуры, известные им обоим, но на *нормативно ценные общественные структуры*, которые испытуемый принимал как *условия*, которым его решения по отношению к его собственному разумному и реалистичному пониманию своих обстоятельств и «хорошему» характеру совета советчика, должны были соответствовать. Эти социальные структуры состояли из нормативных свойств общественной системы, *увиденных изнутри*, которые были для испытуемого определяющими его членство в различных сообществах, о которых шла речь.

2. Испытуемые редко указывали до случаев использования правил для определения факта и нефакта, какими были определяющие нормативные структуры, на которые ссылались бы их интерпретации. Правила для документирования этих определяющих нормативных указаний, похоже, вступали в игру только после того, как ряд нормативных свойств был мотивирован как релевантные для задач интерпретации, а затем как функция того факта, что деятельность интерпретации уже пошла.

3. Испытуемые заранее считали известные-всем свойства коллектива неким обыденным знанием, общим для обоих. Они основывались на этих заранее принимаемых паттернах, когда присваивали тому, что (как они слышали) говорил советчик, статус документального доказательства определяющих нормативных свойств коллективных установок эксперимента, семьи, школы, дома, занятия, куда были направлены интересы испытуемого. Эти свидетельства и коллективные свойства использовались в качестве ссылок друг на друга, причем каждое дополняло другое и, следовательно, расширялось в своих возможностях.

И. Основание для решения было идентичным присваиванию совету его воспринимаемого нормальным смысла.

Посредством ретроспективно-проспективного рассмотрения испытуемые оправдывали «разумный» смысл и санкционирующий статус совета как основания для управления своими делами. Его «разумный» характер состоял из его совместимости с нормативными правилами общественных структур, которые предположительно исполняются и являются известными как испытуемому, так и советчику. Задача испытуемого по определению правомочного характера совета была идентична задаче присвоения тому, что предлагал советчик, (1) его статуса как примера класса событий; (2) его вероятности произойти; (3) сравнимости с событиями прошлого и будущего; (4) условий, при которых оно происходит; (5) его места в системе связей средства-цели и (6) его необходимости в соответствии с естественным (то есть моральным) порядком. Испытуемые присваивали эти значения типичности, вероятности, сравнимости, причинной текстуры, технической эффективности и моральной обязательности, используя при этом институционализированные свойства коллективности в качестве схемы интерпретации. Таким образом, задача испытуемого по определению того, было ли «правдой» то, что предлагал советчик, была идентична задаче присвоения тому, что он предлагал, его воспринимаемого нормальных значений.

К. Воспринимаемо нормальные значения не столько «присваивались», сколько управлялись.

В результате работы по документированию — то есть поиска и определения паттерна, рассмотрения ответов советчика как мотивированных предназначенным смыслом вопроса, ожидания, что дальнейшие ответы прояснят смысл предыдущих, нахождения ответов на незадаанные вопросы — воспринимаемо нормальные значения данных советов были установлены, проверены, рассмотрены, сохранены, восстановлены; короче, управлялись. Следовательно, неправильно думать о документальном методе как о процедуре, где

предложениям дается членство в научном корпусе документов⁵. Скорее документальный метод разработывает совет как подтверждение членства в нормальном коллективе.

Примеры социологического исследования

Примеры использования документального метода можно найти в любой области социологического исследования⁶. Его очевидное применение — изучение сообщества, где высказываниям присваивается правомочие на основе критерия «всеобъемлющего описания» и «кольца истины». Его использование обнаруживалось также во многих опросах, когда исследователь при рассмотрении своих записей интервью или при редактировании ответов на вопросник должен решать, «что имел в виду отвечающий». Когда исследователь адресуется к «мотивированному характеру» действия или теории или подчинению человека законному приказу и тому подобное, он будет использовать то, что он реально видел, для «документирования» «лежащего в основе образца». Документальный метод используется для конспектирования объекта. Например, так же, как в быту обычный человек может сказать о чем-то произнесенном, что это сказал «Гарри»: «Разве это не похоже на Гарри?», так и исследователь может использовать какое-то увиденное свойство предмета, на которое он ссылается, как на характеризующий признак подразумеваемого свойства. Сложные сцены вроде деятельности промышленных предприятий, сообществ или общественных движений часто описываются с помощью «отрывков» из протоколов и численных таблиц, которые используются для «конспектирования» требуемых событий. Документальный метод используется всегда, когда исследователь создает историю жизни или «естественную историю». Задача историзирования биографии человека состоит в использовании документального метода для отбора и упорядочивания прошедших событий, чтобы ассоциировать текущее состояние дел с соответствующим прошлым и будущим.

Использование документального метода не ограничивается случаями «мягких» процедур и «частичных описаний». Оно также имеет место в случаях строгих процедур, где описания должны исчерпывать определенное поле возможных наблюдаемых переменных. При чтении журнального отчета, предназначенного для буквального воспроизведения, исследователи, которые пытаются реконструировать связь между описанными процедурами и результатами, зачастую сталкиваются с недостатком информации. Этот разрыв появляется, когда читатель спрашивает у исследователя, как он определил связь между тем, что реально наблюдалось, и имевшимся в виду событием, в качестве доказательства которого и рассматривалось реальное наблюдение. Проблема читателя состоит в аргументации того, чтобы решить, что сообщенное наблюдение является буквальным примером имевшегося в виду события, то есть что реальное наблюдение и полагаемое событие являются идентичными *по смыслу*. Поскольку связь между ними является знаковым отношением, читатель должен обратиться к какому-то набору грамматических правил, чтобы определить эту связь. Такая грамматика состоит из некоей теории полагаемых событий, на основе которой рекомендуются решения по кодированию реальных наблюдений в виде результатов. Именно в этой точке читатель должен приступить к работе интерпретации, приняв предположение о «лежащих в основе» обстоятельствах, «просто совместно известных» об обществе в терминах, в которых то, что сказал отвечающий, рассматривается как синоним тому, что имел в виду наблюдатель. При разумных предположениях обычно подразумевается и прочитывается правильная связь. Эта связь является продуктом работы исследователя и читателя как членов общества единоверцев. Таким образом, даже в случае строгих методов,

⁵ Ср. Felix Kaufman, *Methodology of the Social Sciences* (New York: Oxford University Press, 1944), особенно pp. 33-36.

⁶ В своей статье «On the Interpretation of 'Weltanschauung,'» Мангейм утверждал, что документальный метод относится лишь к общественным наукам. В общественных науках существует много терминологических способов ссылаться на это — «метод понимания», «симпатическая интроспекция», «метод инсайта», «интуитивный метод», «интерпретативный метод», «клинический метод», «эмпатическое понимание» и так далее. Попытки социологов идентифицировать нечто, называемое «интерпретативной социологией», включают ссылки на документальный метод как основу для определения и гарантирования своих результатов.

в случаях, когда исследователь должен рекомендовать, а читатель — оценить опубликованные результаты, как принадлежащие к корпусу социологических данных, принимается на вооружение документальный метод.

Ситуации социологического исследования как ситуации выбора на уровне здравого смысла

Для профессиональных социологов не считается чем-то необычным говорить о своих процедурах «производства фактов» как о процессах «видения насквозь», сквозь внешние оболочки, проникая в лежащую в основе реальность; как о продирании сквозь внешние проявления, чтобы «поймать инвариант». Что касается наших испытуемых, то их процессы неправильно представлять как «видение насквозь», скорее это — согласование с ситуацией, где фактическое знание общественных структур — фактическое в смысле обеспеченных оснований дальнейших умозаключений и действий — должно быть собрано и предоставлено в распоряжение для потенциального использования, несмотря на тот факт, что ситуации, которые она пытается описать, являются в любом поддающемся учету смысле неизвестными, их фактические и ожидаемые логические структуры являются по существу расплывчатыми и модифицируются, разрабатываются, расширяются, если не создаются, самим фактом и манерой описания.

Если многие свойства документальной работы наших испытуемых распознаваемы в работе профессионального социологического производства фактов, то аналогично многие ситуации профессионального социологического исследования имеют абсолютно те же свойства, что имели ситуации наших испытуемых. Такие свойства ситуаций профессионального социологического исследования могут быть более точно специфицированы следующим образом.

1. В ходе интервью исследователь, вероятно, обнаружит, что он вынужден характеризовать ряд текущих ситуаций, чьи *будущие состояния, которые возникнут в результате рассматриваемого хода действий*, являются существенно неясными или даже неизвестными. В огромном большинстве случаев эти как здесь-и-теперь возможные будущие состояния только смутно вырисовываются до того, как будут предприняты действия, которые должны их реализовать. Существует необходимость различать «возможное будущее состояние дел» и «как-перенести-это-в-будущее-начиная-с-текущего-состояния-дел-как-начальной-точки-отсчета». «Возможное будущее состояние дел» может быть весьма неясным. Но не это нас интересует, нас заботит, «как добиться этого, начиная со здесь-и-теперь». Именно это состояние — для удобства назовем это «оперативным будущим» — является обычно неясным или неизвестным.

Иллюстрация: Искушенный исследователь может описать с замечательной ясностью и определенностью, на какие вопросы он хочет получить ответы с помощью вопросника. То, что реальные ответы реальных испытуемых должны оцениваться, как «ответы на вопросы», встроено в набор процедурных решений, известных как «правила кодирования». Любое распределение ответов на вопросы, которое возможно при некоторых правилах кодирования, является «возможным будущим состоянием дел». После соответствующей исследовательской работы такие распределения ясно и определенно представимы для тренированных практиков. Но в огромном большинстве случаев оказывается, что даже на позднем этапе *реального* хода исследования вопросы и ответы, которые *действительно* были заданы и на которые был получен ответ при различных способах оценки истинных откликов испытуемого в качестве «ответов на вопрос», остаются, учитывая практические обстоятельства, которые необходимо учитывать при проведении реальной работы исследования, смутными и открытыми для «разумного решения» вплоть до момента подготовки к публикации результатов исследования.

2. Что касается будущего, любого будущего, которое известно определенно, альтернативные пути актуализации будущего состояния как набор пошаговых операций над

каким-то текущим начальным состоянием обычно отрывочны, несвязны и неразработаны. Опять необходимо подчеркнуть разницу между набором существующих процедур — опрашивающие могут говорить о них вполне определенно и ясно — и специально программируемыми пошаговыми процедурами, набором предрешенных «что-делать-в-случае-если» стратегий для манипуляции последовательностями фактических состояний дел *в их ходе*. В реальной практике такая программа обычно является неразработанной.

Например, одна из задач в «управлении рапортом» состоит в управлении пошаговым ходом беседы таким образом, чтобы позволить исследователю задавать вопросы в полезной последовательности, одновременно сохраняя некоторый контроль над неизвестными и нежелательными направлениями, в которые может завести реальный обмен мнениями⁷. Обычно исследователь заменяет запрограммированное пошаговое решение на *ad hoc* тактику, чтобы подстроиться к возникающей текущей возможности, причем эти тактики — лишь в целом управляются тем, что опрашивающий желал бы в конечном счете узнать в конце беседы. В таких обстоятельствах более точно говорить, что исследователи действуют с целью исполнения своих надежд или избежания своих же опасений, чем утверждать, что они явно и продуманно реализуют план.

3. Часто случается, что исследователь выполняет действие, и только после появления какого-то следствия этого действия он начинает рассматривать сделанные шаги в ретроспективном поиске их решающего характера. Поскольку *решение, которое было принято*, присваивается в ходе работы ретроспективного поиска, постольку про результат таких ситуаций можно сказать, что он происходит *до* решения. Такие ситуации необычайно часто происходят прямо во время написания журнальной статьи.

4. До реальной необходимости выбирать между альтернативными способами действий на основе ожидаемых последствий исследователь часто не может по различным причинам предвидеть следствия своих альтернативных направлений действия и должен, возможно, полагаться на свое реальное участие, чтобы узнать, какими могут быть эти следствия.

5. Зачастую, столкнувшись с каким-то реальным состоянием дел, исследователь может счесть его желательным и в дальнейшем рассматривать его как цель, к которой его предыдущие действия, как он их теперь ретроспективно понимает, были нацелены «все время» или «в конечном счете».

6. Часто происходит так, что только в ходе реальной манипуляции текущей ситуацией и в зависимости от нее проясняется природа будущего состояния дел исследователя. Тем самым цель исследования может быть определена только постепенно, как следствие того, что исследователь фактически предпринимает действие по достижению цели, свойства которой на данной стадии его расследования ему не ясны.

7. Обычно это ситуации «неполной информации». В результате исследователь неспособен оценить, тем более рассчитать, разницу, которая возникает в его действиях из-за непонимания ситуации. Не способен он и (до необходимости начать действовать) оценить последствия своих действий или рассмотреть альтернативный способ действий.

8. Информация, которая находится в его распоряжении и служит ему в качестве основы для выбора стратегий, редко является кодифицированной. Следовательно, его оценки вероятности успеха или неудачи обычно имеют мало общего с рациональной математической концепцией вероятности.

В своих расследованиях опрашивающие обычно должны управлять ситуациями с вышеуказанными свойствами и со следующими дополнительными условиями: что должно быть предпринято какое-то действие; что это действие должно предприниматься в то время, с таким темпом, длительностью и фазами, которые скоординированы с действиями других;

⁷ Cp. Robert K. Merton and Patricia L. Kendall, "The Focused Interview," *American Journal of Sociology*, 51 (1946), 541-557.

что как-то надо управлять возможностью неблагоприятных исходов; что предпринятые действия и их продукты должны подлежать рассмотрению другими лицами и должны быть оправданы перед ними; что выбор способов действий и получающийся результат должны быть оправданы в рамках процедуры «разумной» оценки и что весь процесс должен происходить в рамках условий и быть мотивированно согласованным с корпоративно организованной общественной деятельностью. На своем «рабочем жаргоне» исследователи называют эти свойства своих реальных ситуаций опросов и необходимость управления ими «практическими обстоятельствами».

Поскольку эти свойства так легко распознаваемы в действиях повседневной жизни, ситуации с такими свойствами могут законно называться «обыденными ситуациями выбора». Рекомендуется иметь в виду, что когда исследователи ссылаются на «разумность» при присвоении статуса «результатов» тому, что найдено в результате исследований, они как бы приглашают использовать подобные свойства в качестве контекста интерпретации для определения разумности и оправданности. Результаты документальной работы, решения по которым принимаются в условиях обыденных ситуаций выбора, определяют термин «разумные результаты».

Проблема

Большая часть «собственно социологии» состоит из «разумных результатов». Многие, если не все, ситуации социологического исследования являются ситуациями выбора на уровне здравого смысла. Тем не менее дискуссии по социологическим методам в учебниках и журналах редко признавали тот факт, что социологические исследования проводились под покровительством здравого смысла *в точках, где принимаются решения относительно связи между наблюдаемыми внешними проявлениями и ожидаемыми событиями*. Вместо этого существующие описания и концепции исследования принятия решений и решения проблем присваивают ситуации, в которой оказывается принимающий решения, следующие свойства⁸.

1. С точки зрения лиц, принимающих решения, существует как свойство каждого здесь-и-теперь состояния дел распознаваемая цель с указанными свойствами. Если говорить о социологическом опросе, эта цель состоит из текущей проблемы опрашиваемого, для решения которой предпринималось само исследование. Специфицируемые целями свойства состоят из критериев, по которым при любом текущем состоянии дел он определяет адекватность формулировки своей проблемы. В их терминах также «решение, адекватное событию» определяется как набор возможных событий.

2. Считается, что лицо, принимающее решения, ставит перед собой задачу по организации программы манипуляции каждым последующим текущим состоянием дел так, что каждое текущее состояние изменится, чтобы в своей последовательности они вошли в соответствие с ожидаемым состоянием, *то есть* с целью – решенной проблемой.⁹ Эти свойства могут быть переформулированы в терминах правил свидетельств. В качестве состояния дел, поддающегося учету, проблема опрашиваемого может рассматриваться как предложение, «заявка» на членство, *то есть* ее гарантируемый статус только рассматривается. Правила процедуры, посредством которой определяется ее гарантируемый статус, тем самым оперативно определяют, что понимается под «адекватным решением». В идеальных научных изысканиях от опрашиваемого требуется решить, какие шаги

⁸ Я хотел бы поблагодарить докторов Роберта Богуслава и Майрона Робинсона за многие часы дискуссий, которые были у нас о поддающихся и не поддающихся учету ситуациях выбора, где мы вместе пытались проработать проблему возможности неизменно хорошей игры в шахматы.

⁹ В некоторых случаях изучающие процесс принятия решений были заинтересованы этими программами, которые представляют полностью учитываемые решения проблем лиц, принимающих решения. В других случаях исследования посвящались тому факту, что лицо, принимающее решения, может использовать вероятностные правила для определения дифференциальной вероятности того, что альтернативный курс действий изменит текущее состояние дел в желаемом направлении.

определяют адекватное решение еще до того, как он делает выбранные шаги. От него требуется принять это решение до того, как он выполнит операции, которые позволят решить относительно возможностей выдвинутого предложения, происходили ли они реально или нет. Задача определения адекватного решения тем самым логически предшествует реальному наблюдению. Наблюдение тем самым называют «программируемым» или, альтернативно, ожидаемому событию дается «операционное определение», или, альтернативно, создаются условия для того, чтобы случилось ожидаемое событие, или, альтернативно, делается «предсказание».

Важным аргументом в пользу такого акцента является то, что документальный метод есть научно ошибочная процедура; что его использование искажает объективный мир в зеркале субъективного предубеждения; и что там, где ситуации выбора на уровне здравого смысла существуют, они осуществляются как исторические помехи. Сторонники методов, используемых в социологических исследованиях и лабораторных экспериментах, например, говорят про их растущее освобождение от ситуаций с характеристиками на уровне здравого смысла и их документальной обработки. После Второй мировой войны было написано множество пособий по методам, чтобы предложить средства от таких ситуаций. Эти методы предназначены для указания путей преобразования обыденных ситуаций в поддающиеся вычислению. В особенности использование математических моделей и статистических схем вывода применяется как поддающиеся изучению решения проблем строгого определения осмысленности, объективности и оправданности. Огромные суммы фондовых денег, адекватные исследовательские конструкции по определению критериев и многие карьеры зиждятся на убеждении, что это именно так.

В то же время общеизвестно, что в огромном количестве методологически приемлемых исследований и, парадоксально, именно в соответствии с частотой использования строгих методов, наблюдаются драматические несоответствия между теоретическими свойствами ожидаемых *социологических* результатов исследований и математическими предположениями, которые должны удовлетворяться для того, чтобы статистические меры использовались для буквального описания ожидаемых событий. В результате статистические измерения наиболее часто используются как индикаторы, как знаки чего-то, как представляющие или выступающие от имени ожидаемых результатов, а не как их буквальные описания. Тем самым, в точке, где из статистических результатов должны быть получены социологические выводы¹⁰, строгие методы утверждаются в качестве решений задач буквального описания на основе «разумных» соображений.

Даже если можно продемонстрировать, что эти свойства хотя бы присутствуют, не говоря уже о том, что они играют важную роль, в социологических исследованиях, тем не менее не является ли справедливым утверждение, что ситуация опроса может подвергаться документальной обработке и в то же время фактический статус его продуктов будет решаться по другому? Например, не является ли справедливым то, что осуждают *ex post facto* анализ? И не правда ли, что практик, который выяснил после изучения своих записей, на какие проблемы он «в конечном анализе» получил ответы, может снова запросить грант для проведения «подтверждающего исследования» той «гипотезы» которую создали его размышления? Существует ли, следовательно, какая-либо *необходимая* связь между свойствами ситуаций обыденного выбора, использованием документального метода и корпусом *социологического факта*? Должен ли документальный метод обязательно использоваться профессиональным социологом для определения разумности, объективности и оправданности? Существует ли обязательная связь между теоретическим предметом

¹⁰ Термин «результаты» используется для указания набора *математических* событий, которые возможны, когда процедуры статистического испытания, например, при помощи теста хи-квадрат, рассматриваются как грамматические правила для понимания, сравнения, создания и т.д. событий в математической сфере. Термин «результаты» используется для указания на набор *социологических* событий, которые возможны, когда (при предположении, что социологические и математические сферы соответствуют друг другу в своих логических структурах) социологические события интерпретируются в терминах «правил статистических выводов».

социологии, как это образуется отношением и процедурами «социологического взгляда», с одной стороны, и канонами адекватного описания, *то есть* свидетельством, с другой стороны?

Между методами буквального наблюдения и работой по документальной интерпретации опрашивающий может выбрать первое и достичь строгого буквального описания физических и биологических свойств социологических событий. Это демонстрировалось во многих случаях. Пока что выбор делался ценой либо пренебрежения свойствами, которые делают события социологическими, либо с использованием документальной работы для обращения с «мягкими» частями.

Выбор связан с вопросом об условиях, при которых обязательно происходит буквальное наблюдение и документальная работа. Сюда входит формулировка и решение проблемы социологического свидетельства в терминах, позволяющих описательное решение. Без сомнения, научная социология является «фактом», но фактом в смысле Феликса Кауфмана, *то есть* в терминах набора процедурных правил, которые *фактически* управляют использованием рекомендованных социологами методов и результатов как основой для дальнейших выводов и опросов. Проблема свидетельства состоит из задач, призванных сделать этот факт понятным.

Перевод с английского Турчаниновой Ю.И., Гусинского Э.Н.